

БРАТЪЯМЪ-СЛАВЯНАМЪ.

[1р.]

С 1767

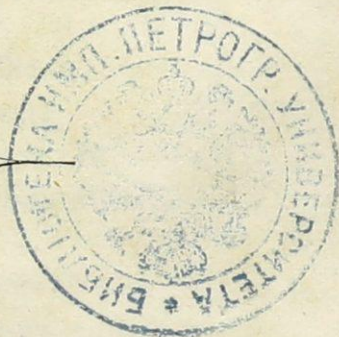
Кт. 10, 2.

БРАТЬЯМЪ-СЛАВЯНАМЪ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

Аксакова, Берга, кн. Вяземскаго,
Тютчева и Хомякова.

15



МОСКВА.

МАЙ МѢСЯЦЪ 1867.

К. 10. 2

ВЪДЪВАНЪ СЪСТАВЪ

Дозволено цензурою. Москва, 12 мая 1867 г.

СПЕЦИАЛЬНУ

10

239

Типографія Т. Рисъ, у Мясницкихъ вор., д. Воейкова.

МОСКВА

ВЪДЪВАНЪ СЪСТАВЪ

К.Т. 10. 2

Вѣковать ли намъ въ разлукѣ?
Не пора-ль очнуться намъ
И подать другъ другу руки,
Нашимъ кровнымъ и друзьямъ?

Вѣки мы слѣпцами были,
И, какъ жалкіе слѣпцы,
Мы блуждали, мы бродили,
Разбрелись во всѣ концы.....

А случилось ли порою
Намъ столкнуться какъ-нибудь,
Кровь не разъ лилась рѣкою,
Мечъ терзалъ родную грудь.

И вражды безумной съмя
Плодь сторичный принесло, —
Не одно погибло племя,
Иль въ чужбину отошло.

Иновѣрецъ, иноземецъ
Насъ раздвинулъ, разломилъ,
Тѣхъ обезьязычилъ Нѣмецъ,
Этихъ Турокъ осрамилъ.....

Вотъ, среди сей ночи темной,
Тамъ на Пражскихъ высотахъ,
Доблїй мужъ, рукою скромной,
Засвѣтилъ маякъ въ потьмахъ.

О, какими вдругъ лучами
Озарились всѣ края! —
Обличилась передъ нами
Вся Славянская земля!

Горы, степи и поморья
День чудесный облисталь

Отъ Невы до Черногорья,
Отъ Карпатовъ по Ураль.

Разсвѣтаетъ надъ Варшавой,
Кіевъ очи отворилъ,
И съ Москвой золотоголовой
Вышеградъ заговорилъ.

И роднаго слова звуки
Вновь понятны стали намъ!.....
На яву увидятъ внуки
То, что снилося отцамъ.....

Е. Тютчевъ.



1917

Прага.

Поклонъ любви съ желаньемъ блага,
Въ знакъ соучастья и родства,
Со мною шлетъ тебѣ, о Прага!
Первопрестольная Москва!
Поклонъ особенный Градчину
Отъ златоглаваго Кремля!
Не можетъ чуждой Славянину
Быть Чеховъ доблестныхъ земля.

Насъ историческія сплетни
Поссорили между собой
И разорвали долголѣтній
Союзъ священный и родной.

Но братья мы и предковъ кровью
И первобытнымъ языкомъ:
Должны быть братья и любовью,
И просвѣщеньемъ и добромъ.

Нѣтъ, не хочу съ судьбою грозно,
Безумецъ, затѣвать борьбы:
Будь каждый дома, каждый розно,
Когда таковъ законъ судьбы.
Но связь преданій не погибла,
Она разрозненныхъ мирить:
Что географія отшибла,
Пусть сѣизнова любовь скрѣпитъ.

На берегу твоей Молдавы
Люблю я, Прага, вспоминать
Вѣка твоей минувшей славы
И ихъ мечтой возсозидать.
Обмануть слухъ роднымъ нарѣчьемъ,
И съ башенъ, съ стѣнъ твоихъ, съ церквей
Роднымъ Кремлемъ и Москворѣчьемъ
Все ластится въ душѣ моей.

Святыхъ Меѳодія, Кирилла,
Съ тобой намъ общи имена,
И благодарно сохранила
Святая Русь ихъ письмена.
Къ наукъ рвенье не остыло
Въ сынахъ твоихъ и въ наши дни:
Шафарикъ твой — Славянъ свѣтило,
И Ганка твой — намъ всѣмъ сродни.

Кн. П. Вяземскій.



Счастлив Моему, Вспоминанья
 От тобой не в оуди являя,
 И блатаю ринь возрванна
 Счастя Твое вят инелена,
 На кажут речне не остало
 Ва еманга тавна и ва раша дна,
 И ваврнра твоя — Счастя еманга,
 И Тавна твоя — вавра вавра еманга.

И. И. Вавра.

УЛГЛС

— 11 —

Сербская пѣсня.

Гаснетъ мѣсяцъ на Стамбулѣ,
Всходитъ солнышко свѣтло,
У Маджарь и Турки злаго
Никнетъ гордое чело.

Спишь ли ты, нашъ королевичъ?
Посмотри-ка твой народъ
Расходился словно волны,
Чтò ломають вешній ледь!


Спишь-ли, спишь-ли, королевичъ?
Посмотри-ка, въ чьихъ рукахъ

Блещутъ копья и пищали
На Дунайскихъ берегахъ.

Слушай! трубы загремѣли,
Бьетъ въ раскатахъ барабанъ,
Сербы, съ горь текутъ, какъ рѣки,
Кроютъ поле, какъ туманъ.

Просыпайся, королевичъ!
Знать великій часъ насталь:
У твоей могилы темной
Богатырскій конь заржалъ.....

А. Хомяковъ.



Безвѣздная полночь дышала прохладой,
Крутилася Лаба, гремя подь окномъ;
О Прагъ я съ грустною думалъ отрадой,
О Прагъ мечталъ, забываяся сномъ.

Мнѣ снилось—лечу я: орель сизокрылый
Давно и давно бы въ полетъ отсталъ,
А я, увлекаемъ невидимой силой,
Все выше и выше взлеталъ.

И съ неба картину я зрѣлъ величаву,
Въ убранствѣ и блескѣ весь Западный
край:
Мораву, и Лабу, и дальнюю Саву,
Гремящій и синій Дунай.

И Прагу я видѣлъ, и Прага сіяла,
Сіялъ златоверхій на Петринѣ *) храмъ,
Молитва Славянская громко звучала
Въ напѣвахъ, знакомыхъ минувшимъ
вѣкамъ.

И въ старой одеждѣ Святаго Кирилла
Епископъ на Петринѣ всходилъ,
И слѣдомъ валила народная сила,
И воздухъ былъ полонъ куреньемъ ка-
дилъ.

И клиръ, воспѣвая небесную славу,
Звалъ милость Господню на западный
край:
На Лабу, Мораву, на дальнюю Саву,
На шумный и синій Дунай.

А. Хомяковъ.

*) Гора въ Чешской Прагѣ.

Съ залогомъ славы, но не брнной,
О Племя Славы, ты стоишь,
И на племень потокъ смятенный
Съ надеждой ясною глядишь.

Когда кипя страстями звѣря,
Народы растерзали Римъ, —
И въ духъ, и въ жизнь, и въ братство вѣря,
Ты ненавистно стало имъ.

И ихъ озлобленная сила
Тебя мѣтою избрала,
Тебя терзала и губила,
Свершая страшныя дѣла, —

О Племя Славы, племя мира!
Въ бѣдѣ и злѣ со всѣхъ сторонъ,
Ты не хотѣло чтить кумира
Сихъ кровожаждущихъ племень;

Цѣною нравственнаго блага
Ты не купило торжества,
Хотя бы сила и отвага
Могли сберечь твои права.

Но въ звѣря ты не обратилось,
Но то что благъ земныхъ святѣй—
Сокровище въ тебѣ тайлось
Духовной жизни съ давнихъ дней!...

Опаснѣй чужеземной власти
Для испытуемыхъ Славянъ,
Какъ тати вкравшіяся страсти
Лжепросвѣщенныхъ чуждыхъ странъ.

Не страхомъ входить къ нимъ измѣна,
Соблазнъ грозить ихъ оболстить

И внѣшній гнетъ и горечь плѣна
Духовнымъ рабствомъ замѣнить!...

Всегда ль къ Европѣ суесловной
Прикованъ будетъ родъ Славянъ?
Всего тяжеле плѣнь духовный,
Больше нѣтъ душевныхъ ранъ!

Не всѣ Славянскіе народы
Узнали гнетъ чужой руки:
На тѣхъ поляхъ, гдѣ льются воды
Днѣпра и Волги и Оки,

Живетъ народъ не побѣжденный,
Смирившій множество враговъ,
Всегда предъ Господомъ смиренный,
Хранящій вѣру праотцовъ.

Но и къ нему, какъ испытанье,
Соблазны Запада вошли,
И подвигъ духа и сознанья
Ему готовится вдали.

О братья, плѣнь тяжелый духа,
Постыдный плѣнь мы разорвемъ,
Всей силой нравственного слуха
Призывъ нашъ внутренній поймемъ!

Духъ братства кроткій, величавый,
Духъ мира снова воскресимъ
И скажемъ свѣту слово славы,
Еще не слыханное имъ.

К. Аксаковъ.

Одесса

1854 г. 10 апрѣля.

Предъ Воскресеньемъ день послѣдній
Поста великаго насталь,
Въ церквахъ Одессы шли обѣдни
Народъ ихъ тѣсно наполняль.

День свѣтлый Пасхи приближался,
Всѣхъ дней и Царь и Господинь,
И въ бѣлы ризы облакался
Во храмахъ весь духовный чинь.

А въ это время шло сраженье,
Отъ пушекъ брегъ морской дрожалъ,—
Но кто жь Христу богослуженье
Такъ нечестиво нарушалъ?

Кто?—Христіанская эскадра
Пришла на помощь мусульманъ,
И градомъ полетѣли ядра
На городъ Русскихъ Христіанъ.

Но все напрасно. Въ шумѣ битвы,
Невозмутимо отъ тревогъ,
Неслися къ Господу молитвы
И возглашалось: „съ нами Богъ“!

И шло богослуженье тоже,
Хваленья стройныя текли,
И клилось пѣль: „воскресни Боже,
„Воскресни и суди земли.“

А тамъ, тряся и брегъ и дома,
Въ защиту Божіихъ церквей,
Отвѣтные гремѣли громы
На громы вражбихъ кораблей.

И съ сотнями ихъ пушекъ смѣло
Четыре пушки бой вели,
И долго, долго длилось дѣло,
И наступали корабли.

Враги, воздвигнувъ бой ужасный,
Числомъ хотѣли превозмочь,
Но съ нами Богъ, и все напрасно,
И вражій флотъ отходить прочь.

Настала ночь, и вновь смиренно
Народъ всѣ храмы наполнялъ,
И свѣтлый мигъ невозмущенно
Надъ Русскимъ городомъ возсталъ.

Отрадой просіяли очи,
И вознеслося до небесъ
Въ великій часъ святой полночи:
„Христось воскресъ! Христось вос-
кресъ!..“

К. Аксаковъ.

— 82 —

Къ Россіи.

Ты земной не ищешь славы,
Духу битвъ не служишь ты,
И вѣнцы войны кровавой
Не манять твоей мечты.

Мирный духъ тебя съ рожденья
Благодатно осѣнилъ
И на кротость, на терпѣнье,
На любовь благословилъ.

И понявъ соблазнъ грѣховный
Многошумной суеты,
Благо вѣры, путь духовный
На землѣ избрала ты.

Но кругомъ тебя народы
Жадны суетныхъ честей,
Чужды мира и свободы
И кипятъ въ огнѣ страстей.

За земной стремятся славой,
Ярко блещутъ суетой,
И горды и величавы
И смѣются надъ тобой.

Духъ ихъ злобенъ и корыстенъ,
Грѣхъ стяжалъ у нихъ хвалу;
Имъ твой образъ ненавистенъ,
Какъ добро противно злу.

И сломить тебя мечтая,
Боевыхъ народовъ строй,
Крики злобы подымая,
На тебя ходилъ войной.

Но съ надеждой твердой въ Бога
Ты встрѣчала племена,
И возвратная дорога
Бѣглецамъ была тѣсна.

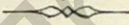
Пали гордыя дружины,
Побѣжденъ кровавый бой, —
И опять твои равнины
Зачернѣли подь сохой.

Не для славы, не для злата,
Но за миръ страны родной,
Но за страждущаго брата
Блещетъ мечъ побѣдный твой.

Видитъ взоръ и слышитъ ухо,
Людыя Богъ тобой явилъ —
Что сильнѣе сила духа
Всѣхъ земныхъ надменныхъ силъ!

10 февр. 1854 г.

К. Аксаковъ.



„Вы ли это, наши братья,
 Къ намъ, на Русь?... легко сказать!...
 Дайте жъ васъ прижать въ объятья!
 Дайте жъ васъ расцѣловать.

Чудо что ли совершилось,
 Вѣтеръ что ль такой пахнулъ:
 Все у насъ закопошилось,
 И пошелъ и трескъ и гулъ.

Съ каждымъ солнечнымъ восходомъ
 Вы впередъ, впередъ, впередъ...
 Знать, нельзя шутить съ народомъ:
 То, что живо, не умретъ!

Дай же вамъ Господь успѣховъ,
Взятыхъ съ боя не мечомъ,
А народностію чеховъ,
Что кипитъ живымъ ключомъ.

Правда, вѣра и отвага!
Будь вамъ лозунгъ навсегда!
Да живетъ святая Прага
Безконечные года!

Пусть таинственно и дивно
Языкомъ, во имя музъ,
Укрѣпится неразрывно
Благовѣрный нашъ союзъ!

Да живемъ семьею братской
Мы во всяки времена!
Ваши: Ригеръ и Палацкій —
Намъ родныя имена!

Всѣ вы, всѣ вы, намъ родные...
Нынѣ, слышу, мчитесь вы

На берега заповѣдныя
Нашей матушки Москвы.

Вѣрьте: къ вамъ сердечнымъ жаромъ
Наша матушка полна,
Такъ воспитая Колларомъ
Живо въ оны времена.

Съ перепутья, изъ Варшавы
Пожелаемъ ей добра...
Будьте живы, бодры, здоровы,
Братья милые! Ура!!

Н. Бергъ.

Варшава.



На оубега завоуауа
Намеш матушка Мокша

Варте: ет намъ себешника жупа
Нама матушка Мокша

Тана носатра Коларонт
Миро на оубега

Се небуауа на Бабуа
Носелек ет жупа...

Буаге жана жупа
Буаге жана жупа

Бабуа
Бабуа

СЛОВО

Ода.

Внимайте голосъ истребленья!
За громомъ громъ, за крикомъ крикъ!
То звуки дальняго сраженья,
Къ нимъ слухъ воинственный привыкъ.
Вотъ ружей звонкіе раскаты,
Вотъ пѣшей рати мѣрный шагъ,
Вотъ натискъ конницы крылатой,
Вотъ пушекъ ревъ на высотахъ,
И крикъ торжествъ, мнѣ крикъ зна-
комый,
И смерти стонъ, мнѣ плачь родной.....
О, замолчите, битвы громы!
Остановись, кровавый бой!

Потомства пламеннымъ проклятьямъ
Да будетъ преданъ тотъ, чей гласъ
Противъ Славянъ Славянскимъ братьямъ
Мечи вручилъ, въ преступный часъ!
Да будутъ прокляты сраженья,
Одноплеменниковъ раздоръ,

И перешедшей въ поколѣнья
Вражды безсмысленной позоръ;
Да будутъ прокляты преданья,
Вѣковъ исчезнувшихъ обманъ,
И повѣсть мщенья и страданья,
Вина неисцѣлимыхъ ранъ!

И взоръ поэта вдохновенный
Ужъ видитъ новый вѣкъ чудесь...
Онъ видитъ: — гордо надъ вселенной,
До свода синяго небесъ,
Орлы Славянскіе взлетаютъ
Широкимъ, дерзостнымъ крыломъ,
Но мощную главу склоняютъ
Предъ старшимъ Сѣвернымъ орломъ.
Ихъ твердь союзъ, горятъ перуны,
Законъ ихъ властенъ надъ землей,
И будущихъ Баяновъ струны
Поютъ согласье и покой!...

1831.

А. Хомяковъ.

Орель.

Высоко ты гнѣздо поставилъ,
Славянъ полунощныхъ орель,
Широко крылья ты расправилъ,
Глубоко въ небо ты ушелъ!
Лети, но въ горнемъ морѣ свѣта,
Гдѣ силой дышащая грудь
Разгуломъ вольности согрѣта,
О младшихъ братьяхъ не забудь!
На степь полуденнаго края,
На дальній Западъ оглянись:
Ихъ много тамъ, гдѣ гнѣвъ Дуная,
Гдѣ Альпы тучей обвились,
Въ ущельяхъ скалъ, въ Карпатахъ тем-
ныхъ,
Въ Балканскихъ дебряхъ и лѣсахъ,
Въ сѣтяхъ Тевтоновъ вѣроломныхъ,
Въ стальныхъ Татарина цѣпяхъ!...
И ждутъ окованные братья,
Когда же зовъ услышать твой,
Когда ты крылья, какъ объятья,

Прострешь надъ слабой ихъ главой....
О вспомни ихъ, орель Полночи!
Пошли имъ звонкій твой привѣтъ,
Да ихъ утѣшитъ въ рабской ночи
Твоей свободы яркій свѣтъ!
Питай ихъ пищей силъ духовныхъ,
Питай надеждой лучшихъ дней,
И хладъ сердець единокровныхъ
Любовью жаркою согрѣй!
Ихъ часъ придетъ! окрѣпнута крылья,
Младья когти подрастутъ,
Вскричатъ орлы — и цѣпь насилья
Желѣзнымъ клювомъ расклюютъ!

(1832 г.)

А. Хомяковъ.

Не гордись передъ Бѣлградомъ
Прага, Чешскихъ странъ глава!
Не гордись предъ Вышеградомъ,
Златоверхая Москва!
Вспомнимъ: мы родные братья,
Дѣти матери одной,

Братьямъ — братскія объятя,
Къ груди грудь, рука съ рукой!

Не гордися силой длани
Тотъ, кто въ битвѣ устоялъ;
Не скорби, кто въ долгой брани
Подъ грозой судьбины палъ.

Испытанья время строго,
Тотъ, кто палъ, возстанетъ вновь:
Много милости у Бога,
Безъ границъ Его любовь!

Пронесется мракъ ненастный,
И ожидаемый давно
Возсіяетъ день прекрасный,
Братья стануть за одно:

Всѣ велики, всѣ свободны,
На враговъ — побѣдный строй,
Полны мыслью благородной,
Крѣпки вѣрою одной!

А. Хомяковъ.

Въ альбомъ В. В. Ганкѣ.

Когда-то я просилъ Бога объ Россіи и говорилъ:

„Не дай ей рабскаго смиренья,
Не дай ей гордости слѣпой,
И духъ мертвящій, духъ сомнѣнья
Въ ней духомъ жизни успокой.“

Эта же молитва у меня для всѣхъ Славянъ. Если не будетъ сомнѣнья въ насъ, то будетъ успѣхъ. Сила въ насъ будетъ, только бы не забывалось братство.

А. Хомяковъ.

Прага, 1847 года.
19 Іюля.

Вставайте! оковы распались,
Проржавѣла старая цѣпь!
Ужъ Нилъ и Ливанъ взволновались,
Проснулась Сирійская степь!

Вставайте, Славянскіе братья,
Болгаринъ, и Сербъ, и Хорватъ!
Скорѣ другъ къ другу въ объятья,
Скорѣй за отцовскій булатъ!

Скажите: „намъ въ старыя годы
„Въ наслѣдство Господь даровалъ
„И степи, и быстрыя воды,
„И лѣсъ, и ущелія скалъ!“

Скажите: „мы люди свободны,—
„Да будетъ свободна земля,
„И горы, и глубина подводны,
„И доли, и лѣсъ, и поля!
„Мы вольны, мы къ битвѣ готовы,
„И подвигъ нашъ честенъ и святъ:
„Намъ Богъ разрываетъ оковы,
„Намъ Богъ закаляетъ булатъ!“

Смотрите, какъ мракъ убѣгаетъ,
Какъ Мѣсяцъ двурогій угасъ!
Смотрите, какъ небо сіяетъ
Въ торжественный утренній часъ!

Какъ ярки и радости полны
Свѣтила грядущихъ вѣковъ!...
Вскипите жь, Славянскія волны!
Проснитесь, гнѣзда орловъ!

1853 г.

А. Хомяковъ.

Устрой свой міръ внутри себя, Россія,
И выходи на поле славныхъ дѣлъ:
Здѣсь ждуть тебя всѣ племена родныя,
Твой Господомъ назначенный удѣлъ.

И прежде всѣхъ ты, Болгарское племя!
Великъ нашъ долгъ передъ тобой: вѣкамъ
Извѣстенъ онъ. Да, было, было время,
Когда ты впрямь благотворило намъ.

Мы отъ тебя пріяли Божье слово,
И даръ письменъ тобою намъ былъ данъ;
Святитель твой во имя насъ Христово
Крестилъ въ Днѣпрѣ, купели Россіянъ.

Твою въ церквахъ мы служимъ литургію,
И Русской людъ читаетъ и поетъ
Твои молитвы за свою Россію,
И за Царя, за землю, за народъ.

Во время тьмы и тучи при Татарахъ,
Когда все наше книжное добро

Истлѣло въ пеплѣ въ губительныхъ
пожарахъ

Ты намъ свои сокровища несло.

Твой Кипріянь, Григорій, насъ спасали,
Внушенные участіемъ своимъ,
И горечь ранъ народныхъ врачевали
Ученіемъ и словомъ золотымъ.

Въ садахъ изъ розъ, оливъ и винограда,
Гдѣ красота земли съ красой небесъ
Сливаются, гдѣ древняя Эллада
Селила міръ миѳическихъ чудесъ —

Тамъ обитаетъ Болгарское племя,
Храня отцевъ патріархальный нравъ;
Въ вертепахъ горъ его забыло время,
Страданію и злобѣ передавъ.

Была пора его воинской славы,
Его блюли свой мечъ и свой законъ,
И на престолѣ Болгарской державы
Прославились Борисъ и Симеонъ.

Теперь оно подъ игомъ Турка стонетъ
Свирѣпъ его надъ Българиномъ гнѣвъ:
Подъ тяжкій плугъ ему онъ выю клонить
И не щадить красы ни женъ, ни дѣвъ,
Одно для жертвъ сіяетъ утѣшенье,
Одинъ истокъ для ихъ кровавыхъ ранъ:
Господень крестъ, и мысль, что Про-
видѣнье

Пошлетъ конецъ страданьямъ Хрис-
тіанъ.

О храбрый Сербъ, покрытый вѣчно
славой,

Передовой въ Славянахъ богатырь!

.
.

И нѣтъ конца кровавой Иліадѣ!
Ужъ такъ споконъ вѣковъ заведено
Въ твоёмъ быту, и у тебя въ Бѣлградѣ
Поэзія, война и жизнь—одно.

Поэзіей войны врачуешь муки;
Война тебѣ есть жизнь, а не болѣзнь;

За громами ты ищешь пѣсенъ звуки;
Изъ ранъ леть кровь, изъ устъ несется
пѣснь,

Пѣснь славная, живая повѣсть боевъ,
Созвучная воинственнымъ мечамъ,
Хранящая всѣ имена героевъ,
Всѣ памяти безцѣнные сердцамъ.

А ты гнѣздо въ Славянахъ боевое,
Гора чудесь, о Черная Гора,
Гдѣ вѣчно бьется племя намъ родное,
Подъ знаменемъ надежды и добра!

Въ тебѣ орлы Славянскіе витають,
Птенцы войны, свободы и небесъ,
И изъ тебя въ міръ Божій вылетаютъ
Свершители воинственныхъ чудесъ!

Гора-олтарь, гдѣ вѣчный жертвы пламень
Приносится во благо Христіанъ,
Гдѣ каждая скала и каждый камень
Блеститъ зарей свободы всѣхъ Славянъ!

Но вотъ ужъ миръ тебѣ навязанъ силой!
На долго-ль ты закроешь бранный пирь?
Гора чудесъ не можетъ быть могилой:
Ей жизнь — война, а смерть — съ Стам-
буломъ миръ.

За всѣхъ Славянъ вы чудо-ратоборцы,
За всѣхъ за насъ несете первый крестъ,
И ваша слава всходитъ, Черногорцы,
Отъ той горы и до небесныхъ звѣздъ!

На высотахъ священныхъ Велеграда
О Прага! мать Славянскихъ городовъ,
Готовь свой пирь! пусть умная громада
Сойдется здѣсь Славянъ со всѣхъ концовъ!

Пусть въ памяти у всѣхъ Славянъ вос-
прянуть

И оживутъ Меѳодій и Кирилль!
Пускай для нихъ они вождями станутъ,
Какъ были тамъ вожди духовныхъ силъ.

Свершай о нихъ свою святую тризну,
О дѣлѣ ихъ, о грамотѣ твоей;

Сними съ себя и съ братьевъ укоризну,
Неблагородно измѣнившихъ ей.

Сзывай всѣхъ насъ на мирны состязанья,
На праздники Олимпіи зови,
На честныя Славянски пированья
Во имя мысли, мира и любви.

1865

С. Шевыревъ.

Привѣтъ вамъ задушевный, братья,
Со всѣхъ Славящины концовъ!
Привѣтъ нашъ всѣмъ вамъ, безъ изъятя!
Для всѣхъ семейный пиръ готовъ!
Не даромъ васъ звала Россія
На праздникъ мира и любви;
Но знайте, гости дорогие,
Вы здѣсь не гости, вы — свои!

Вы дома здѣсь, и больше дома,
Чѣмъ тамъ, на родинѣ своей,
Здѣсь, — гдѣ господство не знакомо
Иноязыческихъ властей.

Здѣсь, — гдѣ у власти и подданства
Одинъ языкъ, одинъ для всѣхъ,
И не считается Славянство
За тяжкій первородный грѣхъ!

Хотя враждебною судьбиной
И были мы разлучены,
Но все же мы народъ единый,
Единой матери сыны;
Но все же братья мы родные!....
Вотъ, вотъ чтó ненавидятъ въ насъ!
Вамъ не прощается Россія,
Россіи — не прощаютъ васъ!

Смущаетъ ихъ, и до испугу,
Что вся Славянская семья,
Въ лицо и недругу и другу,
Впервые скажетъ — это я!
При неотступномъ вспоминаньи
О длинной цѣпи злыхъ обидъ,
Славянское самосознанье
Какъ Божья кара ихъ страшить!

Давно на почвѣ Европейской,
Гдѣ ложь такъ пышно разрослась,
Давно наукой фарисейской
Двойная правда создалась,
Для нихъ — законъ и равноправность,
Для насъ — насилье и обманъ,
И закрѣпила стародавность
Ихъ — какъ наслѣдіе Славянъ.

И то, что длилось вѣками,
Не истощилось и поднесь,
И тяготѣть и надъ нами, —
Надъ нами, собранными здѣсь...
Еще болить отъ старыхъ болей
Вся современная пора....
Не тронуто Коссово поле,
Не скрыта Бѣлая Гора!

А между насъ, — позоръ не малый, —
Въ Славянской, всеѣмъ родной средѣ,
Лишь тотъ ушелъ отъ ихъ опалы
И не подвергся ихъ враждѣ,

Кто для своихъ — всегда и всюду
Злодѣемъ былъ передовымъ:
Они лишь нашего Іуду
Честять лобзаниемъ своимъ.

Опально — міровое племя,
Когда же будешь ты народъ?
Когда же упразднится время
Твоей и розни и невзгодъ,
И грянетъ кличъ къ объединенью,
И рухнетъ то, что дѣлать насъ?....
Мы ждемъ и вѣримъ Провидѣнью, —
Ему извѣстны день и часъ....

И эта вѣра въ правду Бога
Ужъ въ нашей не умретъ груди,
Хоть много жертвъ, и горя много
Еще мы видимъ впереди....
Онъ живъ, — Верховный Промыслитель
И судъ Его не оскудѣлъ,
И слово — *Царь-Освободитель*
За Русскій выступить предѣлъ....

_____ *Е. Тютчевъ.*

Разсвѣтъ.

Не въ первый разъ кричитъ пѣтухъ, —
Кричитъ онъ живо, бодро, смѣло;
Ужъ мѣсяцъ на небѣ потухъ,
Струя въ Босфорѣ заалѣла.

Еще молчатъ колокола,
А ужъ Востокъ заря румянитъ,
Ночь безконечная прошла,
И скоро свѣтлый день настанетъ.

Вставай же, Русь! Ужъ близокъ часъ!
Вставай Христовой службы ради!
Ужъ не пора ль, перекрестясь,
Ударить въ колоколъ въ Царьградъ?

Раздайся, благовѣстный звонъ,
И весь Востокъ имъ огласися!
Тебя зоветь и будить онъ!
Вставай, мужайся, ополчися!

Въ доспѣхи вѣры грудь одѣнь,
И съ Богомъ, исполнивъ державный!...
О, Русь, великъ грядущій день,
Вселенскій день и православный!

Ө. Тютчевъ.

Не гуль молвы прошелъ въ народѣ,
Вѣсть родилась не въ нашемъ родѣ—
То древній гласъ, то свѣше гласъ:
„Четвертый вѣкъ ужъ на исходѣ,—
Свершится онъ и грянетъ часъ!“
И своды древня Софіи
Въ возобновленной Византіи
Вновь осѣнятъ Христовъ алтарь.
Пади предъ нимъ, о Царь Россіи,
И встань какъ всеславянскій Царь!

Ө. Тютчевъ.

Славянскія дѣвы.

Нѣжны и быстры ваши напѣвы!
Чтожъ не поете, Ляшскія дѣвы,
Въ ладъ ударяя легкой стопой?

Сербскія дѣвы! пѣсни простыя
Любите пѣть; но чувства живыя
Въ дикомъ напѣвѣ блещутъ красой!

Кто же напѣвы Чехинь услышитъ,
Звучныя пѣсни сладостныхъ дѣвъ,—
Дышетъ любовію, славою дышетъ,
Помня всю жизнь, и пѣснь и напѣвъ.

Дѣвы! согласно что не поете
Пѣсни святой минувшихъ временъ,
Въ голосъ единый что не сольете
Всѣхъ голосовъ Славянскихъ племень?

Боже! когда же сольются потоки
Въ рѣку одну, какъ источникъ одинъ?

Да потечеть сей потокъ-исполинь,
Ясный какъ небо, какъ море широ-
кѣй!

И увлажая полміра собой,
Землю украсить могучей красой!

Старшая дочь въ семействѣ Славяна
Всѣхъ превзошла величіемъ стана,
Славой гремитъ, но грустно живетъ;
Въ теремѣ дни проводитъ, какъ ночи,
Блѣдно чело, заплаканы очи,
И заунывно пѣсни поетъ.

Что же не выйдешь въ чистое поле,
Не разгуляешь грусти своей?
Свѣтло душѣ на солнушкѣ-волѣ!
Сердцу тепло отъ ясныхъ лучей!
Въ поле спѣши съ меньшими сестрами
И хороводъ веди за собой!
Дружно сплетая руки съ руками,
Сладкую пѣсню съ ними запой!

Боже! когда же сольются потоки
Въ рѣку одну, какъ источникъ одинъ?
Да потечетъ сей потокъ-исполинь,
Ясный какъ небо, какъ море широкій!
И увлажая полміра собой,
Землю украсить могучей красой!

Кн А. И. Одоевскій.

Колокольчики мои,
Цвѣтики степные!
Что глядите на меня,
Темноглубые?
И о чемъ звените вы
Въ день веселый мая,
Средь некошеной травы
Головой качая?

Конь несетъ меня стрѣлой
На полѣ открытомъ,
Онъ васъ топчетъ подъ собой,
Бьетъ своимъ копытомъ.

Колокольчики мои,
Цвѣтики степные,
Не кляните вы меня,
Темноглубые!

Я бы радъ васъ не топтать,
Радъ промчаться мимо,
Но уздой не удержать
Бѣгъ неукротимый!
Я лечу, лечу стрѣлой,
Только пыль взметаю,
Конь несетъ меня лихой,
А куда — не знаю!

Онъ ученымъ ѣздокомъ
Не воспитанъ въ холѣ,
Онъ съ буранами знакомъ,
Выросъ въ чистомъ полѣ;
И не блещетъ какъ огонь
Твой чепракъ узорный,
Конь мой, конь, Славянскій конь,
Дикій, непокорный!

Есть намъ, конь, съ тобой просторъ!
Міръ забывши тѣсный,
Мы летимъ во весь опоръ
Къ цѣли неизвѣстной!
Чѣмъ окончится нашъ бѣгъ?
Радостью-ль? Кручиной?
Знать не можетъ человѣкъ —
Знаетъ Богъ единый!

Упаду-ль на солончакъ
Умирать отъ зною?
Или злой Киргизъ-Кайсакъ,
Съ бритой головою,
Молча, свой натянетъ лукъ,
Лежа подъ травою,
И меня догонитъ вдругъ
Мѣдною стрѣлою!

Иль влетимъ мы въ свѣтлый градъ
Со кремлемъ престольнымъ?
Чудно улицы гудятъ
Гуломъ колокольнымъ,

И на площади народъ,
Въ шумномъ ожиданьи,
Видить: съ Запада идетъ
Свѣтлое посланье!

Въ кунтушахъ и чекменяхъ,
Съ чубами, съ усами,
Гости ѣдутъ на коняхъ,
Машутъ булавами;
Подбочась, за строемъ строй
Чинно выступаетъ,
Рукава ихъ за спиной
Вѣтеръ раздуваетъ.

И хозяинъ на крыльцо
Вышелъ величавый;
Его свѣтлое лицо
Блещетъ новой славой;
Всѣхъ его исполнилъ видъ
И любви и страха,
На челъ его горить
Шапка Мономаха.

„Хлѣбъ да соль! И въ добрый часъ!“
Говоритъ державный,
„Долго, дѣти, ждалъ я васъ
„Въ городъ православный!“
И они ему въ отвѣтъ:
„Наша кровь едина,
„И въ тебѣ мы съ давнихъ лѣтъ
„Чаемъ господина!“

Громче звонъ колоколовъ,
Гусли раздаются,
Гости сѣли вокругъ столовъ,
Медъ и брага льются;
Шумъ летитъ на дальній Югъ
Къ Туркѣ и къ Венгерцу—
И ковшей Славянскихъ звукъ
Нѣмцамъ не по сердцу!

Гой вы, цвѣтики мои,
Цвѣтики степные,
Что глядите на меня,
Темноглубые?

И о чемъ грустите вы
Въ день веселый Мая,
Средь некошеной травы
Головой качая?

Гр. А. К. Толстой.

Ой стоги́, стоги́,
На лугу широкомъ,
Васъ не перечестъ
Не окинуть окомъ!

Ой стоги́, стоги́
Въ зеленомъ болотѣ,
Стоя на часахъ,
Что вы стережете?

—Добрый человекъ,
Были мы цвѣтами,
Покосили насъ
Острыми косами.

Раскидали насъ
Посрединѣ луга,
Раскидали врозь
Далѣ другъ отъ друга.

Отъ лихихъ гостей
Нѣтъ намъ обороны,
На главахъ у насъ
Черныя вороны.

На главахъ у насъ,
Затмѣвая звѣзды,
Галокъ стая вьетъ
Поганья гнѣзда.

Ой орель, орель,
Нашъ отецъ далекій,
Опустися къ намъ,
Грозный, свѣтлоокій!

Ой орель, орель,
Внемли нашимъ стонамъ!

Долѣ насъ срамить
Не давай воронамъ!

Накажи скорѣй
Ихъ высокомѣрье,
Съ неба въ нихъ ударь,
Чтобъ летѣли перья,

Чтобъ летѣли врозь,
Чтобъ въ степи широкой
Вѣтеръ ихъ разнесъ
Далеко, далеко!

Гр. А. К. Толстой.

Австрійскимъ Славянамъ.

Man muss die Slaven an die Mauer drücken
(«Славянъ должно прижать къ стѣнѣ» —
слова австрійскаго министра.)

Они кричатъ, они грозятся:

„Вотъ къ стѣнкѣ мы Славянъ при-
жмемъ!“

—Ну, какъ бы имъ не оборваться
Въ задорномъ натискѣ своемъ?..

Да, стѣнка есть—стѣна большая,
И васъ не трудно къ ней прижать.

Да польза-то для нихъ какая?
Вотъ, вотъ что трудно угадать.

Ужасно та стѣна упруга,
Хоть и гранитная скала,—
Шестую часть земнаго круга
Она давно ужъ обошла.

Ее не разъ и штурмовали,
Кой-гдѣ сорвали камня три,
Но напоследокъ отступали,
Съ разбитымъ лбомъ богатыри.

Стоитъ она какъ и стояла,
Твердыней смотреть боевой,—
Она не то чтобъ угрожала,
Но... каждый камень въ ней живой.

Такъ пусть же бѣшенымъ напоромъ
Тѣснятъ васъ Нѣмцы и прижмутъ,
Къ ея бойницамъ и затворамъ...
Посмотримъ, что́ они возьмутъ..

Какъ ни бѣсись вражда слѣпая,
Какъ ни грози вамъ буйство ихъ,—
Не выдастъ васъ стѣна родная,
Не оттолкнетъ она своихъ.

Она разступится предъ вами
И какъ живой для васъ оплотъ,
Межъ вами станетъ и врагами,
И къ нимъ поближе подойдетъ...

16-го Мая 1867 года. Э. Тютчевъ.

Славянамъ.

Сбылись завѣтныя, горячія желанья,
Въ Москву стеклись, для братскаго
свиданья,

Не чуждый людъ, *свои*; хвала роднымъ
друзьямъ!

Славяне! вашъ приходъ отраденъ, до-
рогъ намъ!

Привѣтствуемъ васъ, сердцу дорогіе,
Пришедшіе на Русь съ далекихъ
странъ.

Вы намъ свои—вы намъ родные,
Мы всѣ—одна семья Славянъ!

Пусть грани царствъ разъединяють
насъ,

Но мысль, но духъ преградъ не
знають,

И чувство и языкъ всѣхъ насъ соеди-
няютъ,

Любовью братскою привѣтствуемъ мы
васъ!

На скромномъ праздникѣ науки
Господь привелъ сойтиться намъ;

Такъ подадимъ другъ другу руки—
Какъ братья и друзья—съ мольбою къ
небесамъ:

Да ниспошлетъ Господь миръ и лю-
бовь святую

Народамъ всѣмъ и всѣмъ царямъ,
Духъ единенія Славянскимъ племенамъ,
И да хранитъ Онъ Русь—и намъ и
вамъ родную!

Князь Н. Цертелевъ.

20 Мая 1867 года.
